ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 6 | 2026. Volume 19. Issue 6
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Местоимения «сей» и «оный» в книге Н. Я. Бичурина «Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение»: к истории лингвистических споров 1840-х гг.

Чэн Цзычжао

Аннотация. В статье на материале книги Н. Я. Бичурина «Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение» (1840) анализируется функционирование указательных местоимений «сей», «оный», «этот», «тот». Исследование проводится на четырёх разножанровых главах (статистический отчёт, путеводитель, исторический нарратив, описание церемониала). Цель исследования – выявить жанровую обусловленность употребления архаических и нейтральных указательных местоимений в научно-популярном тексте первой половины XIX века. Научная новизна заключается в том, что впервые на материале разножанровых глав книги Бичурина проведено сопоставление количественных данных с функциональным анализом указательных местоимений. Результаты показывают абсолютное доминирование местоимения «сей» во всех главах, выполняющего прежде всего анафорическую функцию и обеспечивающего текстовую связность. «Оный» используется только для текстовой соотнесённости, «этот» тяготеет к контактной анафоре, а «тот» – к классификации. Делается вывод, что выбор Бичурина в пользу архаичных форм был функционально и жанрово мотивирован, а не являлся следствием сознательной архаизации. Результаты могут быть использованы в курсах по истории русского литературного языка и истории научного текста XIX века.

EN

The pronouns “сей” and “оный” (‘this’ and ‘that’) in N. Ya. Bichurin’s book “China. Its Inhabitants, Morals, Customs, and Education”: on the history of the linguistic debates of the 1840s

Zizhao Cheng

Abstract. The article analyzes the functioning of the demonstrative pronouns “сей”, “оный”, “этот”, “тот” (‘this’, ‘that’) based on the material of N. Ya. Bichurin’s book “China. Its Inhabitants, Morals, Customs, and Education” (1840). The study is conducted using four chapters of different genres (a statistical report, a guidebook, a historical narrative, a description of a ceremony). The aim of the study is to reveal the genre-conditioned nature of the use of archaic and neutral demonstrative pronouns in a popular science text of the first half of the 19th century. The scientific novelty lies in the fact that, for the first time, a comparison of quantitative data with functional analysis of demonstrative pronouns has been carried out on the material of the multi-genre chapters of Bichurin’s book. The results show the absolute dominance of the pronoun “сей” in all chapters, which primarily performs an anaphoric function and ensures textual coherence. “Оный” is used only for textual correlation, “этот” tends toward contact anaphora, and “тот” tends toward classification. It is concluded that Bichurin’s choice in favor of archaic forms was functionally and genre-motivated rather than being a consequence of deliberate archaization. The results can be used in courses on the history of the Russian literary language and the history of Russian scientific texts of the 19th century.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что проблема функционирования архаических указательных местоимений *сей* и *оный* в русском литературном языке второй половины XVIII – первой половины XIX века традиционно привлекает внимание исследователей (Григорьева, 1953; Чапаева, 2017; Смирнова, 2021), однако до сих пор основное внимание для периода начала XIX в. уделялось языку художественной литературы (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь). Язык научных и научно-популярных текстов, проходящий этап своего становления,

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260304

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

оставался на периферии исследований и до сих пор остаётся малоизученным. Между тем именно такие тексты позволяют увидеть реальный спектр языковых возможностей эпохи, включая те варианты, которые не стали магистральной линией развития литературной нормы. Книга Н. Я. Бичурина «Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение» (1840) представляет собой уникальный материал: её автор, будучи учёным-китаеведом и активным участником журнальной полемики 1830-1840-х годов, сознательно или подсознательно выбирал ту или иную языковую стратегию. Выявление этой стратегии на материале разножанровых глав важно не только для понимания идиостиля Бичурина, но и для более полной реконструкции языковой ситуации середины XIX века. Тем самым работа способствует пониманию общих особенностей развития грамматической системы русского литературного языка.

Степень изученности проблемы можно охарактеризовать следующим образом: история указательных местоимений *сей* и *оный* в русском литературном языке начала XIX века получила освещение в работах А. Д. Григорьевой (1953) и Л. Г. Чапаевой (2017), которые подробно описали полемику между сторонниками и противниками архаических форм. Как установлено, в 1830-1840-е годы развернулась активная дискуссия: О. И. Сенковский, как отмечает В. А. Кошелев (2016, с. 253), категорически отрицал возможность употребления *сей* и *оный* в современной ему книжной речи, считая их «канцеляризмами» и остатками церковно-книжного языка, тогда как Н. И. Греч допускал их использование в исторических и дидактических текстах (Григорьева, 1953, с. 145-147; Чапаева, 2017, с. 347-364). В то же время исследования языка Н. Я. Бичурина (Чэнь, 2018; Денисов, 2007) в основном касались его вклада в китаеведение и публицистической деятельности, оставляя в стороне системный лингвостилистический анализ. Таким образом, сопоставительное функциональное исследование указательных местоимений в разножанровых текстах Бичурина с учётом полемики его времени до сих пор не проводилось.

Теоретическую базу работы составляют понятия анафоры и дейксиса в трактовке В. А. Плунгяна (2011, с. 260-270), который определяет анафору как отсылку к ранее упомянутому референту в тексте, а дейксис – как указание на элементы коммуникативной ситуации. Особое значение имеет разграничение первичного (ситуативного) и вторичного (текстового) дейксиса, предложенное А. А. Рачёвой (2016, с. 87-88), что позволяет анализировать употребление местоимений в нарративах, где нет непосредственного наблюдения. Для описания пространственной оппозиции «ближний/дальний» привлекается работа М. Л. Гордиевской (2023). Кроме того, учитываются классические труды по истории русского литературного языка (Григорьева, 1953; Чапаева, 2017), в которых освещается функциональная эволюция указательных местоимений.

Объектом исследования служит книга Н. Я. Бичурина «Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение» (1840), предметом – функционирование указательных местоимений *сей*, *оный*, *этот*, *тот* в четырёх разножанровых главах этого произведения. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1) провести статистический анализ употреблений указанных местоимений в четырёх разножанровых главах с разграничением атрибутивных и субстантивных употреблений;

2) описать основные текстовые функции каждой из указательных лексем (анафора, дейксис, классификация) в зависимости от типа текста;

3) определить роль архаических указательных средств в идиостиле Бичурина и наметить перспективы сопоставления с языковыми практиками других авторов 1830-1840-х годов (в частности, А. С. Пушкина).

Материалом исследования послужили четыре разножанровые главы из книги Н. Я. Бичурина «Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение» (1840): «Краткія статистическія свѣденія о Китаѣ» (далее – СToK), «Дворецъ и другія общественныя зданія въ Пекинѣ» и «Строеніе и расположеніе зданій» (далее – Пекин), «Лѣтосчисленіе» и «Времесчисленіе» (далее – ЛВ), «Церемоніалъ брака государева» и «Церемоніалъ женитьбы царевича» (далее – ЦМ). Выбор глав обусловлен их жанровой разнородностью (статистический отчёт, путеводитель, исторический нарратив, описание церемониала).

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Так, для проведения статистического анализа употреблений местоимений *сей*, *оный*, *этот*, *тот* с разделением на атрибутивные и субстантивные формы применялся количественный метод. Для описания основных текстовых функций каждой лексемы (анафора, дейксис, классификация) в зависимости от типа текста использовались контекстуальный анализ и элементы функционально-стилистического подхода. Для определения роли архаических указательных средств в идиостиле Бичурина и наметки перспектив сопоставления с языковыми практиками других авторов применялись сравнительно-сопоставительный метод (для сопоставления данных с языковой практикой А. С. Пушкина), а также описательный метод (для систематизации результатов) и аналитический метод (для обобщения данных).

Практическая значимость заключается в возможности использовать результаты работы в курсах по истории русского литературного языка первой половины XIX века и истории русского научного текста.

Обсуждение и результаты

Прежде чем перейти к анализу фактического материала, необходимо кратко охарактеризовать лингвистическую ситуацию 1830-1840-х годов, в которую был погружён Н. Я. Бичурин. Как отмечают исследователи (Григорьева, 1953; Чапаева, 2017), в этот период развернулась активная полемика относительно уместности архаических указательных местоимений *сей* и *оный* в книжной речи. О. И. Сенковский настаивал на полном отказе от них, считая их «славянщиной» (о позиции О. И. Сенковского см.: Кошелев, 2016, с. 253), тогда

как Н. И. Греч допускал их использование в исторических и дидактических текстах (Григорьева, 1953, с. 145-147). Однако позиция Н. И. Греча не сводилась к простому «допущению» архаических местоимений. В «Литературных пояснениях» (1838) он провёл функциональное разграничение между *сей* и *этот*: «Слово *этот* означает указание на предмет с намерением отличить его от другого… *Сей* есть просто указание» (Цит. по: Чапаева, 2017, с. 352). Стилистически, по Гречу, *этот* принадлежит разговорной речи, а *сей* – деловой, письменной и дидактической (Цит. по: Чапаева, 2017, с. 352). Особенно последовательно Греч защищал местоимение *оный*, видя в нём грамматическую необходимость: в русском языке косвенные падежи личного местоимения 3-го лица (*его, её*) омонимичны для одушевлённых и неодушевлённых предметов, и *оный* помогает снять эту неоднозначность. Он писал: «Слово *оный* родилось в русском языке по необходимости… Можно ли здесь поставить *его*? Нет! Это значило бы, что мы находим не вещь, а человека» (Цит. по: Чапаева, 2017, с. 353). Таким образом, Греч не просто терпел архаизмы, а пытался обосновать их функциональную незаменимость в определённых жанрах и контекстах. Бичурин, активно публиковавшийся в журналах, несомненно, был знаком с этой дискуссией, однако его собственная языковая практика до сих пор не становилась предметом специального функционального анализа.

На первом этапе работы нами был проведён количественный подсчёт указательных местоимений в анализируемых главах книги, а также разделены атрибутивы (местоимения-прилагательные, образующие с существительными указательную группу) и субстантивы (местоимения-существительные). Такая классификация принята в настоящее время в исследованиях, связанных с изучением функционирования указательных местоимений на разных этапах развития русского языка, и позволит представить себе историю развития этих языковых средств (Скрипка, 2024, с. 105).

Сводные результаты количественного распределения указательных местоимений представлены в Таблице 1.

Таблица 1. *Распределение указательных местоимений в разножанровых главах книги Н. Я. Бичурина*

Категория/глава	Статистические сведения	Пекин	Летоисчисление	Церемониал
Сей-атрибутив	38	3	46	10
Сей-субстантив	2	0	2	1
Оный-атрибутив	4	0	2	0
Оный-субстантив	0	0	1	0
Этот-атрибутив	3	5	10	3
Этот-субстантив	1	0	2	0
Тот-атрибутив	4	1	6	1
Тот-субстантив	0	0	3	1

Как видно из Таблицы 1, абсолютным лидером является местоимение *сей*, доминирующее во всех главах преимущественно в атрибутивной функции. Наряду с этим отмечается очевидный отказ от местоимения *оный,* несмотря на одинаковый архаический статус обеих лексем. Ниже мы рассмотрим, какие текстовые функции реализует каждое из местоимений и какие значения и задачи они обслуживают в разножанровых фрагментах книги.

Выбор указательных местоимений *сей*, *оный*, *этот*, *тот* для анализа объясняется тем, что именно эти единицы составляют центральную оппозицию архаических (сей, оный) и нейтральных (этот, тот) средств в русском языке первой половины XIX века. Другие указательные местоимения (*такой, таковой* и др.) либо не участвуют в противопоставлении «ближний/дальний» / «архаика/нейтральность», либо крайне редки в анализируемых главах и не выполняют текстообразующих функций, сопоставимых с исследуемыми.

Функция пространственного дейксиса отражает оппозицию «близко/далеко» (Гордиевская, 2023, с. 8). В русском языке местоимением ближнего дейксиса долгое время выступало *сей,* а дальнего – *оный*; однако к началу XIX в. в живой речи *сей* уже вытеснялось местоимением *этот* (А. Барсов, описывая систему указательных слов, опирался на старую книжную традицию с тернарной оппозицией, включавшей промежуточный член «отдалённый» (Григорьева, 1953, с. 151)). В книге о Китае Бичурина такие контексты отсутствуют, примеры первичного дейксиса (*сии места*, *с сей стороны*) мы отмечаем в некоторых других сочинениях Бичурина, к примеру в «Отрывках из путешествия по Сибири», представляющих типичное описание наблюдаемой картины (Бичурин, 1991).

В описании Китая в основном встречаются контексты, где *сей* участвует в организации «пространственно-временной перспективы» текста и может быть описан как маркер вторичного (воображаемого) дейксиса (Рачёва, 2016, с. 87-88): автор как бы погружается в описываемую эпоху и делает обозначаемый фрагмент истории актуальным объектом ближайшего рассказа. Это особенно заметно в главе ЛВ при характеристике исторических периодов: «…*Сей* періодъ составляетъ цѣпь фамильныхъ споровъ между удѣльными князьями и удѣльныхъ князей съ своими вельможами <…> Онъ продолжается съ 722 до 480, всего 242 года <…> *Сей* періодъ продолжался отъ 480 до 223, всего 251 лѣтъ» (ЛВ, с. 133). Повествование в целом ведётся в формах прошедшего времени, однако эффект «приближения» поддерживается включением настоящего исторического и указанием «въ *сіе* время», что усиливает вовлечённость читателя в нарратив. В историческом нарративе *сей* участвует в организации временной перспективы повествования.

Наиболее частотной в книге является анафорическая функция *сей* – обозначение ранее упомянутого референта в тексте (Плунгян, 2011, с. 263). Антецедентом выступает существительное или субстантивное словосочетание; *сей* включается в указательную группу и обеспечивает связность повествования. В зависимости от способа отсылки можно выделить два основных случая. В первом случае указательная группа повторяет

существительное-антецедент или явно поддерживает уже введённый объект: «Первая губернія есть Чжи-ли <…> *Сія* губернія содержитъ въ себѣ 11 областей, 6 управляющихъ Округовъ и 3 управляющія Коммиссарства…» (СToK, с. 10); «Инородцы <…> исчисляются семействами и частію по душамъ. *Сихъ* инородцевъ считается…» (СToK, с. 18-19). Это типично для статистического жанра, ориентированного на классификацию и перечисление. В описательных фрагментах (Пекин) та же анафорическая стратегия обеспечивает последовательное развертывание пространственной характеристики (это не первичный дейксис «в поле зрения», а внутритекстовая ориентация читателя): «Отъ тронныхъ далѣе на сѣверъ лежатъ ворота Цянь-цинь-мынь (No 19) <…> Въ *сихъ* воротахъ находится кабинетъ <…>. За сими воротами къ сѣверу…» (Пекин, с. 123); «…есть двуэтажная башня въ девять звеньевъ. По бокамъ *сей* башни…» (Пекин, с. 120); «…къ сѣверу лежитъ садъ <…> У сѣверной стѣны въ *семъ* саду…» (Пекин, с. 124-125). В этих примерах *сей* фиксирует возврат к уже введённому объекту (ворота, башня, сад) и удерживает тему при переходе от одного элемента описания к следующему. К этому же типу относится и «ориентация через уже названный ориентир»: «Въ центрѣ *сего* города лежитъ кремль, иначе дворцовый городъ (означенный на планѣ No I)» (Пекин, с. 118); «Противъ *сего* жертвенника, по западную сторону дороги, также есть довольно обширное мѣсто, обнесенное высокою стѣною (No 109)» (Пекин, с. 119). Здесь *сего города / сего жертвенника* выступает как текстовая «скрепа», обеспечивающая точность референции в письменном путеводительном описании, обеспечивает пространственную последовательность и ориентацию читателя внутри объекта.

Во втором случае указательная группа строится не с повтором, а с уточняющей заменой опорного слова: референт сохраняется, а связь поддерживается местоимением *сей*. Так, после введения топонима используется жанрово уместная номинация *столица*: «Разверните планъ Пекина {Планъ Пекина съ описаніемъ *сей* столицы изданъ мною въ 1829 году}» (Пекин, с. 118). Сходный приём наблюдается и в справочно-описательных сообщениях СToK: «Тибетъ по географическому положенію причисляется къ губерніи Сычуань. Два Китайскіе чиновника 4-го класса управляютъ *симъ* государствомъ подъ зависимостію Генералъ-Губернатора» (СToK, с. 14).

Атрибутивное употребление *сей* проявляется и в устойчивых темпоральных сочетаниях, где местоимение закрепляет временную точку или организует переход к следующему этапу описания; такие обороты выполняют дейктическую и текстоорганизующую функции. Так, формула *в сей день* вводит конкретный календарно-ритуальный момент: «Въ *сей* день Государь встрѣчаетъ зиму въ Жертвенникѣ земли» (ЛВ, с. 144); «Въ *сей* день у Государыни дѣлается пиръ…» (ЦМ, с. 166–167); «…Въ *сей* день въ окружности царевичева дворца расставляютъ палатки…» (ЦМ, с. 176). Вариант *въ сіе время* также фиксирует момент как рамку для последовательности действий: «Въ *сіе* время <…> По совершеніи *сего* обряда…» (ЦМ, с. 171). В качестве «точки отсчёта» для объяснения временного перелома выступает сочетание *с сей точки*: «Зимній поворотъ составляетъ точку, съ которой начинаютъ дни прибывать, а ночи убывать. *Съ сей точки* теплородъ начинаетъ имѣть силу» (ЛВ, с. 144). Обороты *после сего / по совершеніи сего* (существительное может опускаться) организуют последовательность действий и маркируют переход от одного этапа к следующему: «Послѣ *сего* старшій посланникъ, принявъ со стола бунчукъ, возвращается къ своимъ товарищамъ донести Государю о исполненіи возложеннаго на нихъ порученія» (ЦМ, с. 166); «По совершеніи *сего обряда* всѣ они уходятъ къ своимъ мѣстамъ и музыка умолкаетъ» (ЦМ, с. 171). Наконец, конструкция *при сём* также поддерживает анафорическую связность: «При *сёмъ* случаѣ отецъ супруги – въ парадномъ одеяніи – встрѣчаетъ повѣреннаго вельможу за воротами» (ЦМ, с. 174).

Таким образом, доминирование *сей* объясняется не только книжной традицией эпохи, но и жанровой структурой материала: в разных типах текста местоимение выполняет различную функциональную нагрузку. В книге «Китай…» указательные формы *сей* выступают прежде всего как средства анафоры – как с повтором опорного слова, так и с его уточняющей заменой. Особую роль играют темпоральные обороты, обеспечивающие временну́ю локализацию и связность повествования; пространственный первичный дейксис в анализируемых главах не реализуется, что объясняется жанровой природой текста (отсутствие непосредственного наблюдения). Зафиксированные случаи субстантивного употребления единичны и тяготеют к формульным выражениям (после *сего*, при *сём*), что согласуется с общей тенденцией к доминированию атрибутивных употреблений *сей*, отражённой в Таблице 1. В церемониальном тексте *сей* поддерживает формульность и ритуальную структурированность изложения.

Местоимение *оный* в описании указательных местоимений соотносится с дальним дейксисом. Однако в анализируемых разножанровых главах книги Н. Я. Бичурина «Китай…» контекстов «чистого» дальнего пространственного дейксиса (указания на предмет в ситуации непосредственного наблюдения) не выявлено. В путеводительной главе *оный* практически не фиксируется, что связано с отсутствием развитых коррелятивных конструкций и доминированием описательной структуры текста. Как и в случае с *сей*, употребления *оный* в материале следует интерпретировать прежде всего как средство текстовой соотнесённости: местоимение не «показывает вдаль», а подхватывает уже введённый референт и обеспечивает связность изложения.

Наиболее прозрачный тип – субстантивное замещение ранее названного имени (или комплекса), когда антецедент задан в ближайшем контексте, а *оный/оные* позволяет избежать повтора: «Управленіе губерній ввѣрено Генералъ-Губернаторамъ и Губернаторамъ, которые управляютъ оными чрезъ Казенныя палаты» (СToK, с. 10). Сходным образом работает и конструкция *к оным*, удерживающая связь с упомянутыми объектами в пределах одного предложения: «Военные начальники отдѣльно управляютъ ввѣренными имъ городами или крѣпостями съ принадлежащими *къ онымъ* землями и жителями» (СToK, с. 10). В обоих примерах *оными / къ онымъ* отсылает к ранее названному существительному и выполняет функцию связности, а не пространственного дальнего указания.

Особенно показателен контекст, где *сей/сия* и *оный* соотнесены в одном фрагменте текста: «…а *сия*, составивъ общую вѣдомость цѣлой губерніи, представляетъ *оную* чрезъ начальника губерніи въ Палату Финансовъ» (СToК, с. 21); «А сколько *оныхъ* въ каждой губерніи порознь, сіе можно видѣть въ нижеслѣдующей таблицѣ» (СToК, с. 21). Здесь *сия/сие* удерживает «ближний» элемент текущего изложения, тогда как *оную/оных* подхватывает объект речи, заданный выше по тексту; тем самым *оный* функционирует как средство соотношения в тексте и требует поиска антецедента в предшествующем контексте.

В главе ЛВ наблюдается тот же принцип: «…то и перемѣнялъ *оные* каждый разъ, когда встрѣчались ему трудныя обстоятельства въ правленіи» (ЛВ, с. 137); «…правительство предписываетъ не употреблять на письмѣ самой буквы, изображающей *оное*…» (ЛВ, с. 137); «…ввело первоприбывшихъ въ Китай Европейцевъ въ обманъ принять *оные* за собственныя имена государей» (ЛВ, с. 138). Во всех этих случаях *оный* выступает как заместитель ранее введённых единиц (наименований/обозначений) и обслуживает текстовую связность. В анализируемом материале *оный* редок, не выполняет функцию пространственного дейксиса и служит текстовой соотнесённости, что соответствует данным Таблицы 1. Периферийность *оный* также обнаруживает зависимость от жанра: его употребление усиливается в повествовательных и коррелятивных конструкциях, но минимально в перечислительных и описательных фрагментах.

Местоимение *этот* в тексте Бичурина выполняет иные функции, чем *сей*. Особенно наглядно это видно в одном фрагменте из главы ЦМ, где внутри одного описания используются сразу *сіе*, *это* и *сего*: «Послѣ троекратнаго удара плетью начинаетъ играть музыка, поставленная на красномъ крыльцѣ <…>. Въ *сіе* время Князья и чиновники выступаютъ <…> и становятся на колѣни. Музыка умолкаетъ. Чиновникъ <…> входитъ въ тронную восточною дверью, и, взявъ адресъ со стола, выходитъ изъ тронной и становится на колѣни <…> Два Министра становятся по сторонамъ его на колѣни и развертываютъ адресъ. Чиновникъ, кончивъ чтеніе, опять полагаетъ адресъ на столѣ въ тронной. Въ *это* время играетъ музыка на красномъ крыльцѣ <…>. По совершеніи *сего* обряда всѣ они уходятъ къ своимъ мѣстамъ и музыка умолкаетъ» (ЦМ, с. 171).

Здесь *въ сіе время* задаёт временную рамку центрального действия (выходят князья и чиновники, происходит коленопреклонение, чтение адреса). *Въ это время* вводит событие, которое происходит одновременно, но относится к сопровождающему плану – играет музыка. А *по совершеніи сего обряда* подводит итог и завершает эпизод. Таким образом, *это* (в форме *въ это время*) здесь не заменяет *сей*, а выполняет иную задачу: маркирует фоновую одновременность по отношению к основному ритуальному действию.

В главе «Пекин» *этот* появляется в другой роли – как средство контактной анафоры, то есть отсылки к объекту, только что введённому в ближайшем контексте: «Отъ *сихъ* воротъ къ сѣверу лежитъ садъ съ прелестною о пяти холмахъ горою, называемою Цзянь-шань (No 43). На *этой* горѣ повѣсился послѣдній государь изъ дома Минъ. У сѣверной стѣны въ *семъ* саду лежитъ траурная тронная Шеу-хуань-дянь…» (Пекин, с. 124).

Сначала автор вводит объект (гора Цзянь-шань), а в следующем предложении отсылает к нему с помощью *на этой горѣ*. Далее, возвращаясь к более общей теме (сад), он использует *въ семъ саду*, то есть вновь переходит к *сей*. Такое чередование позволяет предположить, что «*этот*» обслуживает прежде всего самые ближние переходы между предложениями, тогда как *сей* в ряде контекстов способен удерживать тему и при более развернутом описании. Примеров с *этот* в книге немного (особенно в исторических главах), что соответствует данным Таблицы 1: ведущую роль в системе указательных местоимений играет *сей*, тогда как *этот* используется эпизодически и преимущественно в двух случаях – как маркер фоновой одновременности (*въ это время*) и как средство контактной анафоры (*на этой горѣ*). Таким образом, распределение *этот* тесно связано с повествовательной динамикой исторического текста и нехарактерно для статистического и формульного жанров.

В отличие от *этот*, которое в материале тяготеет к контактной анафоре и временным формулам (в *это* время), местоимение *тот* в обследованных главах проявляет иные, преимущественно классифицирующие и коррелятивные функции.

По данным Таблицы 1 местоимение *тот* употребляется значительно реже доминирующего *сей*. Принципиально важно, что в большинстве контекстов *тот* не реализует пространственное противопоставление *ближний/дальний*, а выступает либо в классифицирующей функции (близкой к значению *такой*, *из тех, которые*…), либо в коррелятивных конструкциях (*те… в коих тот… что/который*), обслуживающих синтаксическую связность.

Классифицирующее употребление особенно ясно в статистическом описании, где *те* обозначает не конкретный предмет, а разряд/класс. В областях и округах находятся города трех разрядов: «…*те*, в коих присутственные места губернских властей, *те*, в коих находятся только уездные начальства, и *те*, кои не имеют присутственных мест» (СToК, с. 13). Сходным образом в коррелятивных оборотах *те* предваряет определительное уточнение: «Первый ряд городов суть *те*, в коих находятся присутственные места областных или окружных правлений» (СToК, с. 13). В церемониальных главах *тот* нередко входит в устойчивое выражение тождества: «Церемониал женитьбы царевича есть *тот* же самый, что и для бракосочетания Государя» (ЦМ, с. 176). Таким образом, в обследованных главах *тот* преимущественно выполняет классифицирующую и коррелятивную функции и почти не используется как маркер «дальнего» пространственного дейксиса. Функционирование *тот* демонстрирует наибольшую жанровую обусловленность: в статистике он обслуживает классификацию, в церемониале – устойчивые формулы тождества.

Дополнить анализ указательных местоимений позволяет обращение к указательным наречиям, которые также участвуют в организации пространственно-временной перспективы текста. В обследованных главах наречие

здесь регулярно используется как пространственный ориентир и часто имеет анафорический характер, отсылая к месту, уже введённому в контексте: «*Здесь* находится главное управление всеми присутственными местами столицы» (Пекин, с. 120); «*Здесь* поставляются знамёна и прочия воинския принадлежности» (Пекин, с. 123).

Для обозначения актуального времени Бичурин, напротив, последовательно прибегает к книжному наречию *нынѣ*: «*Нынѣ* считается въ Китаѣ 18 губерній» (СToK, с. 9); «*Нынѣ* царствующая династія Цинь вступила на престолъ въ 1644 году» (ЛВ, с. 139). При этом наречие *сейчас* в выбранных главах не зафиксировано. Пространственная фиксация в описании оформляется нейтральным *здесь*, тогда как темпоральная актуализация – книжным *ныне*. Это подтверждает, что *сей* в тексте Бичурина функционирует не как маркер непосредственного дейксиса (от которого исторически образовано *сейчас*), а прежде всего как средство книжной текстовой связности.

Для определения места книги Бичурина в языковой ситуации середины XIX века целесообразно сопоставить полученные данные с языковой практикой его современников, прежде всего А. С. Пушкина. Сопоставление с классическим исследованием А. Д. Григорьевой, посвящённым употреблению местоимений *сей* и *оный* в произведениях Пушкина (Григорьева, 1953), выявляет существенное различие. Если в прозе Пушкина *сей* употребляется ограниченно и постепенно вытесняется местоимением *этот*, а *оный* практически исчезает, то у Бичурина наблюдается иная картина: *сей* доминирует во всех жанровых разделах, а *оный*, хотя и редок, сохраняет функцию текстовой соотнесённости. При этом у Пушкина *сей* чаще всего связано с историческим или торжественным стилем (например, в «Истории Пугачёва»), тогда как в художественной прозе оно воспринимается как архаизм. В книге Бичурина, напротив, *сей* остаётся основным указательным средством повествования в текстах различного жанра. Эта особенность сближает языковую практику Бичурина скорее с позицией Н. И. Греча, допускавшего архаизмы в исторической и научной прозе.

Проведённый анализ показал, что доминирование *сей* во всех жанрах связано с его способностью выполнять анафорическую, темпоральную и текстоорганизующую функции. *Оный*, *этот* и *тот* распределены по узким задачам (текстовая соотнесённость, контактная анафора, классификация соответственно). Сопоставление с Пушкиным подтверждает, что Бичурин последовательно придерживался архаизирующей стратегии, что сближает его с позицией Н. И. Греча.

Заключение

Проведённый анализ показал, что распределение указательных местоимений в книге Н. Я. Бичурина «Китай...» определяется не только книжной традицией первой половины XIX века, но и жанровой структурой произведения, а также собственными взглядами автора, которые отличны от генеральной линии развития литературного языка.

Количественные данные свидетельствуют о доминировании *сей*, которое во всех главах значительно превосходит по частотности *оный*, *этот* и *тот*. Однако это преобладание функционально неоднородно: в статистическом описании *сей* обеспечивает классификацию и текстовую упорядоченность; в историческом нарративе участвует в организации временной перспективы; в путеводителе структурирует пространственную характеристику; в церемониальном тексте поддерживает формульность ритуального изложения. Жанр, таким образом, выступает ключевым фактором распределения функций указательных средств.

Периферийные местоимения выполняют узкие задачи. *Оный* используется преимущественно в анафорической функции, не формируя самостоятельной дейктической оппозиции. *Этот* появляется главным образом в темпоральных формулах (*в это время*), тогда как *тот* реализует классифицирующее и соотносительное значение, сближаясь с определительным типом *такой*.

Полученные результаты уточняют представление о языковой практике 1830-1840-х годов. Несмотря на активную полемику вокруг употребления архаических форм *сей* и *оный*, Бичурин не демонстрирует ни декларативного отказа от них, ни сознательной архаизации. Их использование оказывается функционально мотивированным и связано прежде всего с жанровой организацией текста. В этом смысле идиостиль Бичурина предстает прагматически, а не идеологически ориентированным.

Таким образом, книга «Китай...» представляет собой показательный материал для изучения реального функционирования указательных местоимений в научно-популярной прозе первой половины XIX века и подтверждает значимость жанрового фактора для историко-стилистического анализа.

В качестве перспектив дальнейшего исследования представляется целесообразным расширить круг анализируемых текстов, включив другие произведения Н. Я. Бичурина (например, «Статистическое описание Китайской империи») (1842), а также привлечь сочинения его современников (А. С. Пушкина, О. И. Сенковского, Н. И. Греча) для сопоставительного анализа. Это позволит глубже понять роль указательных местоимений в формировании книжной нормы первой половины XIX века и особенности идиостиля отдельных авторов. Кроме того, возможно более детальное исследование взаимодействия указательных местоимений с другими средствами текстовой связности (наречиями, союзами) в научно-популярной прозе того времени.

Материалы исследования | Research materials

1. Бичурин Н. Я. Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840.
2. Бичурин Н. Я. Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1991.
3. Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи: в 2 ч. СПб., 1842.

Источники | References

1. Гордиевская М. Л. Русский пространственный дейксис в сопоставительном аспекте // Philologia Rossica. 2023. № 8.
2. Григорьева А. Д. К истории местоимений сей и оный в русском литературном языке начала XIX в. // Труды Института языкознания Академии наук СССР. М., 1953. Т. II.
3. Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Изд-е 2-е. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2007.
4. Кошелев В. А. Пушкин, Барон Брамбеус и «полячка младая» // Временник Пушкинской комиссии. 2016. № 32.
5. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.
6. Рачёва А. А. Дейктические единицы в устном дискурсе: функции этот и это в текстах глубинных интервью // Научный диалог. 2016. № 10 (58).
7. Скрипка В. К. Указательные местоимения сей и оный в переводе «Гистории управления настоящего империи оттоманской» П. А. Толстого // Филология и культура. 2024. № 2 (77).
8. Смирнова А. С. Специфика употребления местоименной пары сей – оный в сочинениях М. В. Ломоносова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. № 3. https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.311
9. Чапаева Л. Г. Споры о местоимениях сей и оный как факт истории русской культуры и литературного языка XVIII-XIX вв. // Slověne. 2017. № 2. https://doi.org/10.31168/2305-6754.2017.6.2.13
10. Чэнь П. Особенности репрезентации стиля Н. Я. Бичурина в контексте журнальной прозы первой половины XIX века // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 2 (98).

Информация об авторах | Author information

RU

Чэн Цзычжао[1]
[1] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

EN

Zizhao Cheng[1]
[1] Lomonosov Moscow State University

[1] *zizhao@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.04.2026; опубликовано online (published online): 26.06.2026.

Ключевые слова (keywords): указательные местоимения; сей и оный; Н. Я. Бичурин; русский язык XIX века; книжная речь; demonstrative pronouns; pronouns “сей” and “оный” (this/that); N. Ya. Bichurin; Russian language of the 19th century; bookish speech.